

**ИЗБРАННЫЕ ДЕЛА МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЧАСТНО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ
ФИРМЫ «МОНАСТЫРСКИЙ, ЗЮБА,
СЕМЕНОВ & ПАРТНЕРЫ»**

**Дело о защите авторских прав
на русский перевод международных
стандартов финансовой отчетности**

*Клячин А.Б.**

Одной из отличительных черт современной экономической действительности становится все более широкое вовлечение в коммерческий оборот результатов интеллектуальной деятельности человека. Охрана авторских прав, изобретений, фирменных наименований, охрана информации в самом широком смысле этого слова становится сегодня столь же обычной и естественной, как ранее – охрана права собственности.

Эти тенденции с необходимостью приходится учитывать в деятельности любой коммерческой структуры. Важно точно знать и понимать, каким образом возможно защитить и капитализировать принадлежащую фирме интеллектуальную собственность. Не менее важно ясно представлять себе, какие деяния посягают на интеллектуальную собственность других лиц.

Клиенты юридической фирмы «Монастырский, Зюба, Семенов & Партнеры», крупные коммерческие структуры, все чаще и чаще обращаются к нам с различными юридическими проблемами, связанными с защитой интеллектуальной собственности. Одним из наиболее интересных и сложных дел в этой области стало дело, в котором к нашему клиенту, крупнейшей в мире аудиторской фирме, был предъявлен ряд исков о нарушении ею авторских прав третьего лица.

* Клячин Антон Борисович – юрист адвокатской фирмы «Монастырский, Зюба, Семенов & Партнёры».

В 2001 году наш клиент осуществлял размещение русского текста международных стандартов финансовой отчетности («МСФО») на сайте в сети Интернет. Размещение производилось на основании лицензионного соглашения, заключенного нашим клиентом с Комитетом по МСФО, британской некоммерческой организацией, которая осуществляет разработку и продвижение МСФО по всему миру.

Размещение имело, прежде всего, образовательные и просветительские цели. МСФО – документ, имеющий большую важность для российского бизнеса, для привлечения иностранных инвестиций в российские компании. По своей сути, МСФО представляют собой правила финансовой отчетности, позволяющие иностранному инвестору получить информацию о компании в понятном ему формате, которому он привык доверять. Именно поэтому важной составляющей инвестиционной привлекательности для любой компании сегодня является наличие аудита, проведенного в соответствии с МСФО. Если такого аудита не было проведено, иностранный инвестор просто не сможет с достоверностью судить о финансовом состоянии российской компании. Этим обусловлен рост спроса на специалистов, хорошо знакомых с МСФО. Публикация МСФО в Интернете была призвана обеспечить доступ к тексту МСФО обучающимся, пользователям, исследователям, одним словом – стимулировать продвижение МСФО по всей России.

Однако, несмотря на наличие разрешения Комитета по МСФО на публикацию, в августе 2001 г. к нашему клиенту был предъявлен иск, в котором утверждалось, что размещение русского текста МСФО в сети Интернет осуществляется неправомерно. Истец, российская компания, в исковом заявлении указал, что его работником был в свое время осуществлен перевод МСФО с английского на русский язык. Перевод был произведен в соответствии с договором, заключенным между истцом и Комитетом по МСФО еще в 1997 году. Именно этот перевод, как утверждал истец, и был размещен в Интернете. В связи с этим, по мнению истца, наш клиент должен был получить у него разрешение на размещение перевода в сети Интернет как у лица, обладающего исключительными авторскими правами на русский перевод МСФО. А поскольку такого разрешения получено не было, то истец требовал запретить дальнейшее размещение перевода в Интернете, а также взыскать в его пользу значительный штраф.

Ознакомившись с фабулой дела и документами, адвокаты нашей фирмы посчитали претензии истца неправомерными, о чем и прокон-

сультивировали клиента. Однако предстояло еще убедить в неправомерности заявленного иска арбитражный суд г. Москвы, к рассмотрению которого был принят иск.

Процесс разбирательства дела существенно осложнялся целым рядом приводящих обстоятельств, которые выделяли спор между истцом и нашим клиентом из ряда обычных арбитражных дел.

Во-первых, сам предмет спора являлся достаточно необычным для российских судов. В доступной для изучения практике федеральных арбитражных судов округов и Высшего арбитражного суда РФ почти не встречается дел, в которых рассматривались бы авторские права на перевод текста как на самостоятельное произведение.

Во-вторых, не вполне обычен был и способ использования перевода – размещение в сети Интернет. Действовавший на момент рассмотрения спора Арбитражный процессуальный кодекс РФ 1995 г. (АПК РФ) никак не регламентировал особенности процесса доказывания применительно к информации, получаемой из сети Интернет. Более того, деятельность в Интернете вообще пока что мало регламентирована российским законодательством.

В-третьих, фигурирующие в деле лицензионные соглашения между Комитетом по МСФО и истцом и Комитетом по МСФО и нашим клиентом были подчинены праву Англии и составлены только на английском языке. Это порождало необходимость грамотно и юридически правильно переводить и оформлять доказательства по делу, а кроме того, доказывать содержание английского права по целому ряду вопросов.

Центральный аргумент правовой позиции, разработанной нами по делу, состоял в следующем.

В соответствии с договором, заключенным истцом с Комитетом по МСФО как автором текста МСФО, истец получил неисключительные права на перевод МСФО на русский язык и публикацию этого перевода в России. Этим права, полученные истцом, исчерпываются. Авторское же право на текст МСФО в любых странах и на любых языках принадлежит Комитету по МСФО, о чем ясно и недвусмысленно сказано в первом же пункте договора.

Таким образом, Истцу, в соответствии со ст. 14, 15, 16, 30 Закона РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах»,

не принадлежат ни личные неимущественные права (они принадлежат авторам перевода), ни имущественные права (они принадлежат Комитету по МСФО) на перевод МСФО.

В то же время, ответчик, наш клиент, имеет договор с Комитетом по МСФО, предоставляющий неисключительное право публикации русского перевода МСФО в глобальной компьютерной сети Интернет. Таким образом, Комитет по МСФО, посредством названного договора, распорядился принадлежащими ему имущественными правами на перевод МСФО, сделал это в полном соответствии с положениями ст. 30 Закона об авторском праве.

Помимо этого, мы посчитали необходимым обратить внимание суда на целый ряд второстепенных обстоятельств, препятствовавших, на наш взгляд, удовлетворению иска.

Так, истец не предоставил надлежащих доказательств того, что перевод МСФО являлся служебным произведением. Как известно, п. 1 ст. 14 Закона об авторском праве предусматривает, что служебное произведение возникает лишь в том случае, если оно было создано в порядке выполнения работником служебных обязанностей или служебного задания. Между тем, истец не представил суду доказательств того, что осуществление перевода МСФО входило в служебные обязанности его работника или перевод осуществлялся по заданию истца. Кроме того, в соответствии с п. 2 ст. 14 Закона об авторском праве, исключительные права на использование служебного произведения принадлежат лицу, с которым автор состоит в трудовых отношениях (работодателю), только если в договоре между ним и автором не предусмотрено иное. Однако трудового договора между истцом и его работником в дело представлено не было. Таким образом, суд не мог сделать из имеющихся у него документов однозначного вывода о том, что истец вообще имел какое-либо отношение к осуществленному переводу, пусть даже как работодатель переводчика.

Кроме того, истец просил суд взыскать с ответчика максимально возможный по Закону об авторском праве штраф – 50 000 минимальных размеров оплаты труда (ст. 49 Закона об авторском праве). Однако при этом истец не представил суду вообще никаких доказательств, которые свидетельствовали бы о понесенных им убытках, причиненных деятельностью ответчика. Иначе говоря, истец никак не обосновал столь большой размер испрашиваемой компенсации.

Обобщая названные второстепенные обстоятельства, можно сделать вывод о том, что истец не смог соблюсти требования ст. 53 действовавшего АПК РФ, предписывавшей каждому лицу, участвующему в деле, доказать те обстоятельства, на которые оно ссылается как основание своих требований.

Однако, несмотря на приведенные аргументы, суд первой инстанции встал на сторону истца. Удовлетворив иск в полном объеме, суд запретил продолжать размещение перевода МСФО в глобальной компьютерной сети Интернет, а также взыскал с нашего клиента 50 000 минимальных размеров оплаты труда в пользу истца и 5 000 минимальных размеров оплаты труда в бюджет г. Москвы (п. 2 ст. 49 Закона об авторском праве).

Анализируя решение, вынесенное судом первой инстанции, мы сделали вывод, что его причины крылись в двух основных обстоятельствах, на выяснение которых и были направлены наши дальнейшие усилия.

1. Нюансы перевода доказательств по делу, оригиналы которых были составлены на английском языке

Суд первой инстанции оперировал ненадлежащими доказательствами, что привело к искажению фактических обстоятельств дела и всего смысла взаимоотношений истца, ответчика и Комитета по МСФО. К исковому заявлению истцом была приложена копия договора между ним и Комитетом по МСФО. Данный документ истцу было необходимо представить в суд для обоснования своего права на осуществление русского перевода МСФО. Именно этот документ определял характер и объем прав истца в отношении оригинального произведения – МСФО – и производного произведения – русского перевода МСФО.

Однако, как уже говорилось, данный договор изначально заключался только на английском языке. В дело же был представлен перевод, осуществленный переводческим агентством. Вопреки требованиям п. 2 ст. 60 действовавшего АПК РФ, перевод не был надлежащим образом заверен. По нашему мнению, это привело к тому, что в перевод вкрались определенные неточности, или, скорее, двусмысленности.

В соответствии со сложившейся на тот момент судебной практикой (АПК РФ тогда еще не закреплял требований к заверению переводов

напрямую) мы сочли необходимым представить нотариальный перевод договора. В связи с этим мы обратились в нотариальную контору с просьбой изготовить такой перевод.

Согласно статье 81 Основ законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1, нотариус, владеющий иностранным языком, имеет право самостоятельно изготовить перевод и заверить его верность. Если же нотариус не владеет необходимым иностранным языком, он может заверить подпись известного ему переводчика.

При этом важно отметить, что наибольшая доказательственная сила должна признаваться именно за переводами, сделанными и заверенными самими нотариусами. Переводы, в которых нотариус заверяет подпись известного ему переводчика, являются менее достоверным доказательством. Во-первых, переводя текст самостоятельно, нотариус имеет право заверить именно верность перевода. Во втором же случае нотариус заверяет лишь подпись переводчика, но не верность составленного им русского текста. Во-вторых, в соответствии со ст. 2 Основ законодательства о нотариате нотариус имеет высшее юридическое образование, в то время как переводчик, не будучи юристом, может иметь смутное представление о предмете переводимого им текста. Поэтому перевод, сделанный самим нотариусом, будет являться более верным и соответствующим оригинальному тексту.

Руководствуясь этими соображениями, мы настояли на том, чтобы к делу был приобщен именно перевод, сделанный и заверенный нотариусом.

Как и ожидалось, сравнение двух переводов, имеющихся теперь в деле, позволило выявить истинный смысл договора между истцом и Комитетом по МСФО. В отличие от перевода агентства, нотариальная версия перевода не оставляла никаких сомнений в том, что по смыслу договора все исключительные имущественные права на русский текст МСФО принадлежат Комитету по МСФО. Двусмысленные фразы, присутствовавшие в переводе агентства, превратились в точные и грамотные юридические формулировки, которых переводчик – не юрист, видимо, просто не знал.

К примеру, важнейшее положение договора, звучавшее в первоначальном варианте перевода так: «лицензиат (т.е. истец, – прим. А.К.) ... признает на русском и английском языках авторское право Комитета по МСФО и указывает полное наименование и адрес Комитета по МСФО на внутренней передней обложке всех экземпляров изда-

ния» толковалось истцом в том смысле, что лицензиат обязан указывать полное наименование и адрес Комитета по МСФО на двух языках: русском и английском.

На самом же деле это положение должно было выглядеть следующим образом: «лицензиат ... будет признавать авторское право Комитета по МСФО на публикацию как на русском, так и на английском языке и будет указывать для этой цели его полное наименование и адрес на внутренней стороне передней обложки всех экземпляров этой публикации».

Вторая формулировка оставляла значительно меньше сомнений в том, что лицензиат фактом подписания договора признал Комитет по МСФО обладателем авторского права как на публикацию МСФО на английском языке, так и на публикацию МСФО на русском языке.

Другие положения договора также претерпели существенные изменения.

Таким образом, верное процессуальное оформление доказательств по делу позволило значительно прояснить действительные отношения между истцом и Комитетом по МСФО. Нам удалось показать, что по смыслу договора между этими двумя лицами исключительные имущественные права на русский перевод МСФО, который создавался в соответствии с этим договором, должны были возникать не у истца, а у Комитета по МСФО.

2. Применение права Англии к отношениям сторон по договору

Здесь, однако, возникала вторая сложность. С точки зрения российского права договор между истцом и Комитетом по МСФО являлся некоей аналогией авторского договора заказа. Комитет по МСФО заказывал истцу создать произведение – русский перевод МСФО. Таким образом, на момент заключения договора самого произведения еще не существовало, оно только должно было быть создано. В то же время, договор сразу определял юридическую судьбу этого будущего произведения, устанавливая, что исключительные имущественные права на него будут принадлежать Комитету по МСФО.

Между тем, в соответствии с п. 5 ст. 31 Закона об авторском праве, предмет авторского договора не могут быть права на использование произведений, которые автор может создать в будущем. Это положение, предназначенное для охраны интересов авторов и недопущения закабаления их крупными издателями¹, в данном случае ставило под

¹ См., к примеру, *Сергеев А.П.* Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Издание второе. М., 2000, стр. 282.

сомнение юридическую действительность договора между истцом и Комитетом по МСФО в части возникновения прав на перевод у Комитета.

Однако стороны договора выбрали в качестве права, применимого к их отношениям, право Англии. Следовательно, именно в соответствии с правом этой страны было необходимо выяснять вопросы о том, является ли вообще перевод объектом авторского права, а также может ли будущее произведение являться предметом авторского договора. Кроме того, российскому суду следовало при толковании договора руководствоваться правилами английского законодательства.

Эти вопросы стали предметом рассмотрения апелляционной инстанции арбитражного суда г. Москвы, а затем и Федерального арбитражного суда Московского округа.

Статья 12 действовавшего на тот момент АПК РФ не предусматривала существующего сейчас положения о том, что стороны процесса могут оказывать суду содействие в установлении содержания норм иностранного права. Однако сами суды традиционно проявляют мало инициативы в этом вопросе. Между тем, если суду не удастся установить содержание иностранного права, то он применяет соответствующие нормы права России (п. 3 ст. 12 действовавшего АПК РФ). Такое развитие событий по изложенным выше причинам не могло нас устроить.

В связи с этим мы обратились к английским юристам с просьбой предоставить в наше распоряжение официальное издание основного законодательного акта Англии по вопросам интеллектуальной собственности — Акта об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 г. (Copyright, Designs and Patents Act 1988). Официальное издание актов английского парламента осуществляет Канцелярия Ее Величества (Her Majesty Stationary Office).

Поскольку суд, в случае применения норм иностранного права, должен установить их содержание в соответствии с их толкованием и судебной практикой в соответствующем иностранном государстве, что в случае Англии, страны общего права, становится вдвойне важным, мы также обратились за разъяснениями некоторых положений названного выше Акта к ведущим специалистам по авторскому праву Англии. С помощью наших коллег в Англии, юридической фирмы Ashurst Morris Crisp, мы получили научные заключения профессора Дж. А.Л. Стерлинга, посвятившего многочисленные монографии авторскому праву Англии, преподавателя курсов по авторскому праву в двух лондонских высших учебных заведениях, а также барристера

Кевина Гарнетта, Королевского адвоката (Queen's Council, QC), главного редактора одного из ведущих учебников по авторскому праву Англии.

Необходимо отметить, что и наши процессуальные оппоненты также обратились за разъяснениями английского права к специалистам такого же уровня. Истцом были представлены так называемые аффидевиты (показания под присягой, которые в судах Англии обычно даются свидетелем в том случае, если он не может лично явиться в суд) барристера Роберта Гая Хентона Триттона и солиситора Высшего Суда Англии и Уэльса Джонатана Райта Уайтхэда.

Прежде чем перейти к анализу содержания английского права и названных заключений, обратим внимание на форму представления доказательств иностранного права в российский суд.

Формальные различия между представленными нами заключениями и аффидевитами истца заключались том, что заключения представлялись как письменное доказательство, в то время как аффидевиты и по своей сути и по мысли истца являлись свидетельскими показаниями. Однако российское процессуальное законодательство требует от свидетеля давать свои показания только устно (ст. 69 АПК РФ 1995 г.; ст. 88 АПК РФ 2002 г.). Таким образом, в России аффидевит не может рассматриваться как свидетельские показания. Именно такую позицию занял и Федеральный арбитражный суд Московского округа в своем Постановлении от 2 декабря 2002 г. № КГ-А40/7813-02.

Не может аффидевит рассматриваться и как экспертное заключение, поскольку экспертиза и эксперт назначаются судом (ст. 66 АПК РФ 1995 г., ст. 82 АПК РФ 2002 г.). Заключение, сделанное по инициативе одной из сторон процесса, пусть даже и соответствующее определению экспертизы, не может быть принято судом в качестве экспертного.

Конечно, аффидевит может быть представлен в российский суд в качестве обычного письменного доказательства. Однако в этом случае он должен быть соответствующим образом оформлен. Как правильно указал Федеральный арбитражный суд Московского округа в Постановлении от 9 июля 2002 г. № КГ-А40/4297-02, «указанное доказательство [аффидевит] со сведениями о содержании норм права соответствующего государства в соответствии с принятым в нем толкованием и судебной практикой применения только тогда будет

признано отвечающим требованиям ст. 56, 57, 60 АПК РФ [1995 г.], когда на нем проставлена отметка консульства государства, право которого подлежит применению, если он выдается на территории Российской Федерации, либо отметка о его легализации или апостиль, если он выдан на территории другого государства». Обратим внимание, что суд сослался на ст. 60 АПК РФ 1995 г., которая регулировала именно письменные доказательства.

Тем не менее, арбитражный суд счел возможным принять доказательства иностранного права у обеих сторон и рассмотреть их по существу.

Все четыре представленные сторонами заключения сходились во мнении касательно того, что перевод может быть объектом английского авторского права. Данный вывод основывается на положениях ст. 2.3 Бернской Конвенции об охране литературных и художественных произведений (Парижский акт, ВОИС, 24 июля 1971 г.), ратифицированной Англией. Вот что пишут об авторском праве переводчика наиболее авторитетные английские учебники: «Даже если работа содержит значительную часть, производную от более раннего материала, она все же может быть объектом авторского права, при условии, что в нее было вложено существенное независимое умение, полезный труд, знание, вкус. Поэтому компиляции (такие, как например собрания статистической информации), переводы, краткие изложения и антологии могут быть объектом авторского права»². «Работа репортера, заключающаяся в сообщении об устном выступлении, является примером затрат умения и труда в связи с изменением источника информации. Другим примером является работа переводчика, которая всегда считалась достойной защиты»³.

Более того, в соответствии с правом Англии для появления авторского права на перевод не важно, охранялось ли первоначальное произведение: «Переводы, компиляции, ... работа редактора, связанная с исправлениями, все они подпадают под понятие литературного труда и охраняются вне зависимости от того, охранялся ли авторским правом материал, взятый для их создания из существующих источников»⁴.

² Laddie Prescott & Victoria, *The Modern Law of Copyright and Designs*, Butterworths, 3rd edition, 2000, paras 3.64 – 3.65. (Здесь и далее – перевод автора).

³ Copinger and Skone James on *Copyright*, Sweet & Maxwell, 14th edition, 1999, para 3.95. См. также W.R. Cornish, *Intellectual Property: Patents, Copyright, Trade Marks and Allied Rights*, Sweet & Maxwell, 4th edition, 1999, para 10-06.

⁴ Holyoak & Torremans, *Intellectual Property Law*, Butterworths, 3rd edition, 2001, p 181-182.

Интересно, что и по второму существеннейшему вопросу представленные истцом и ответчиком заключения не имели разногласий. Все они единодушно отмечали, что будущее авторское право может быть уступлено автором без ограничений. Такое положение прямо предусмотрено параграфом 91 Акта об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 г. «Будущий владелец авторского права (обычно автор) также может уступить будущее авторское право. Это означает, что можно уступать права на работы, не существующие в момент заключения соглашения»⁵. Положения английского закона в этом отношении гораздо более мягкие, чем нормы ст. 33 Закона об авторском праве, регулирующей авторский договор заказа. Английское право не предусматривает необходимости уплаты автору аванса, не ограничивает его в уступке прав только на одно конкретное произведение. Уступать будущее право может не только сам автор, но и другие лица, которые планируют в будущем стать владельцами авторских прав.

Наконец, заключения указывали на принципы толкования договоров по английскому праву. Так, в деле *Investors Compensation Scheme v Bromwich Building Society* ([1988] 1 All ER 98, House of Lords) были сформулированы следующие основные позиции, которых должен сосредоточиться английский суд, толкуя то или иное соглашение.

Во-первых, толкование – это установление смысла, который сообщался бы данным документом любому разумному лицу, обладающему всей той сопутствующей информацией, которая была бы доступна сторонам в ситуации, в которой они находились во время заключения соглашения.

Во-вторых, закон исключает из состава сопутствующей информации предыдущие переговоры сторон и их заявления об их субъективных намерениях.

В-третьих, в общих случаях словам приписывается их естественное и обычное значение.

Применительно непосредственно к соглашениям об уступке будущих авторских прав английские юристы отмечают следующее: «Для того чтобы условие [о передаче будущего авторского права] подразумевалось в соглашении оно должно удовлетворять следующему: 1. Условие должно быть разумным и правомерным; 2. Оно должно придавать договору коммерческий эффект, который бы не достигался

⁵ Lionel Bently, Brad Sherman, *Intellectual Property Law*, Oxford University Press, 2001, p. 255.

в случае отсутствия этого условия; 3. Оно должно быть очевидным, то есть не требовать прямого упоминания; 4. Оно должно не противоречить прямо выраженным условиям договора»⁶.

Сходясь в вопросах существования и содержания норм английского права, применяемого в данном случае, а также называя одни и те же принципы толкования договоров по праву Англии, заключения в то же время приходили к противоположным выводам. Авторы аффидевитов, полученных истцом, полагали, что исходя из текста договора между истцом и Комитетом по МСФО авторское право не может считаться уступленным Комитету. Специалисты, привлеченные нами, доказывали, что английский суд счел бы права на русский текст МСФО уступленными Комитету по МСФО. Иначе говоря, заключения расходились в вопросах толкования фактических обстоятельств дела.

Такие доказательства были представлены сторонами к моменту рассмотрения дела в кассационной инстанции. Обратив внимание на то, что ни суд первой инстанции, ни апелляционная инстанция не смогли применить права Англии к отношениям сторон, не оценили оговорку о принадлежности авторского права, содержащихся в договоре между истцом и Комитетом по МСФО, кассационный суд констатировал неполное выяснение обстоятельств дела нижестоящими инстанциями и отправил дело на новое рассмотрение.

В заседание суда первой инстанции истец пригласил для дачи устных показаний по вопросам английского права одного из специалистов, привлекавшихся им ранее, – барристера Роберта Гая Хентона Триттона.

Однако на наш взгляд в выступлении этого специалиста перед российским судом не было никакой необходимости. Как упоминалось выше, представленные обеими сторонами заключения по вопросам права Англии не противоречили друг другу в части существования и содержания норм иностранного права. Различались в них подходы к толкованию самого договора между истцом и Комитетом по МСФО. Иначе говоря, различия заключений состояли в различной оценке обстоятельств дела. А раз существование и содержание права Англии не оспаривалось сторонами, то английский барристер не смог бы сообщить суду какую-либо относящуюся к делу информацию. Оценка же обстоятельств дела есть прерогатива самого российского суда.

⁶ Laddie Prescott & Victoria, *The Modern Law of Copyright and Designs*, Butterworths, 3rd edition, 2000, paras 2.69 – 2.71 (Перевод осуществлен истцом по описываемому делу).

Высказывания английских специалистов по этому вопросу не являлись бы относимыми доказательствами.

Несмотря на высказывания истца о том, что высокооплачиваемый английский барристер специально прилетел в Россию на этот процесс для дачи показаний, суд счел нашу аргументацию убедительной и отказался заслушать дополнительные пояснения, оставив несостоявшегося свидетеля за дверьми зала заседаний.

Суд, таким образом, признал необходимость самостоятельно толковать договор между истцом и Комитетом по МСФО. Поскольку договор был подчинен праву Англии, его толкование также должно было производиться по английскому праву. Как упоминалось выше, предоставленные сторонами заключения по вопросам иностранного права содержали, среди прочих сведений, информацию о принципах толкования договоров, принятых в английском праве, что давало возможность российскому суду рассматривать отношения между истцом и Комитетом по МСФО так, как это делал бы английский суд.

Позиция истца, высказанная им в заседании суда первой, сводилась к тому, что договор, не предоставляющий ему исключительных прав на использование перевода МСФО в России не был бы для него коммерчески выгодным, таким образом, подобное условие не было бы разумным и не придавало бы договору коммерческого эффекта. Истец пытался убедить суд, что договор с такими условиями был бы для него убыточным, а значит английские судьи никогда не придали бы ему такого значения.

На первый взгляд, аргументация истца выглядела весьма убедительно. Действительно, по договору он должен был за свой счет осуществить перевод и, сверх того, выплачивать Комитету по МСФО определенный процент от сумм, вырученных от продажи перевода в России (т.н. роялти). В обмен на это он получал только лишь неисключительное право издавать и продавать сделанный им перевод. Однако более тщательный анализ договора между истцом и Комитетом по МСФО показал совершенно другое.

Прежде всего, истец получил от Комитета по МСФО существенную скидку, то есть выплачивал Комитету сравнительно низкое роялти. Таким образом, доходы от продажи перевода МСФО, даже за вычетом роялти, должны были покрыть его расходы на осуществление и издание перевода и принести прибыль.

Кроме того, суд учел тот факт, что Россия в настоящий момент нахо-

дится в стадии активного продвижения МСФО, что создает дополнительный спрос на книги истца со стороны наиболее платежеспособных слоев населения. В сочетании с высокой ценой на издание (около 40 – 50 долларов США в розничной продаже), этот фактор позволил суду сделать следующий вывод: «при таких обстоятельствах ограничение имущественных авторских прав на перевод произведения путем их передачи лицу, владеющему основными имущественными авторскими правами, является разумным действием».

Суду оставалось определить, содержал ли договор между истцом и Комитетом по МСФО достаточно явно выраженное условие о передаче исключительных имущественных прав на русский перевод Комитету. Исследуя имеющиеся в деле доказательства, суд пришел к выводу о том, что у истца отсутствуют исключительные имущественные права на использование русского перевода МСФО. Анализируя представленные переводы договора между истцом и Комитетом по МСФО, в частности, цитировавшийся выше пункт 2 (d) этого договора, суд решил, что «указание языка, на котором выражено литературное произведение, в контексте передачи истцу прав на перевод этого произведения на русский язык, не имеет никакого другого смысла, кроме того, что истец высказался о принадлежности Комитету авторского права именно на перевод МСФО на русский язык, что в силу ст. 91 Акта об авторском праве, промышленных образцах и патентах прямо свидетельствует о передаче будущих авторских прав истца на перевод произведения».

Основываясь на таких размышлениях, суд полностью отказал в иске.

Решение было обжаловано истцом в кассационном порядке. Однако на этот раз Федеральный арбитражный суд Московского округа счел, что судом были исчерпаны все меры по сбору необходимых доказательств, правильно и всесторонне оценены обстоятельства дела и разумность действий сторон, установлено и верно применено право Англии, выбранное сторонами договора. Решение первой инстанции было оставлено без изменений, а кассационная жалоба – без удовлетворения.

Фактически исчерпав возможности эффективно добиваться изменения позиции российских арбитражных судов по своему делу, истец, однако, не остановил на этом свои попытки взыскать с нашего клиента существенную денежную компенсацию. Дальнейшие действия истца производились им от имени своего работника – переводчика МСФО.

Переводчик МСФО как физическое лицо обратился с иском в Замоскворецкий межмуниципальный суд г. Москвы с требованием возместить причиненный ему моральный вред, который был им оценен ровно в такую же сумму, которую требовал ранее его работодатель в арбитражном суде – 50 000 минимальных размеров оплаты труда. Кроме того, переводчик просил запретить дальнейшее размещение русского текста МСФО в сети Интернет.

По мнению переводчика, наш клиент причинил ему столь существенный моральный вред тем обстоятельством, что не указал при размещении его имени.

Работа по настоящему делу была осложнена тем, что оно должно было рассматриваться судом общей юрисдикции, доступ к практике которых на сегодняшний день существенно ограничен. В связи с этим юристу бывает затруднительно точно определить судебную перспективу конкретного дела.

Правовая позиция, разработанная нами при подготовке к этому процессу, основывалась на уже достигнутых в деле успехах. Прежде всего, нами была представлена нотариальная копия решения арбитражного суда г. Москвы, вступившего в законную силу. По нашему мнению, данное решение подтверждало правомерность наших действий. Правомерные действия не могли быть признаны виновными. Между тем, в соответствии со ст. 1100 ГК РФ и п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»⁷, моральный вред подлежит возмещению независимо от вины причинителя только в случаях, предусмотренных этой статьей или другими законами. По общему же правилу моральный вред возмещается только в том случае, если он был причинен виновно. Более того, согласно абз. 2 ст. 151 ГК РФ суд при определении размеров компенсации морального вреда принимает во внимание степень вины нарушителя.

Кроме того, мы отметили тот факт, что ни в исковом заявлении, ни в приложенных к нему материалах суду не было представлено никаких обоснований размера испрашиваемой компенсации. В соответствии же с п. 2 ст. 1101 ГК РФ и абз. 2 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»⁸, размер компенсации мораль-

⁷ Постановления Пленумов Верховных судов по гражданским делам. Сборник. М., «Спарк», 1999. С. 307.

ного вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий. Мы апеллировали к тому, что компенсация в размере 50 000 минимальных размеров оплаты труда очевидно завышена, не соответствует предъявляемым п. 2 ст. 1101 ГК РФ требованиям разумности и справедливости.

По нашему мнению, не была доказана и причинно-следственная связь между действиями нашего клиента и какими бы то ни было страданиями истца по настоящему иску.

Интересно, что сам переводчик МСФО, подавший иск, ни разу не явился в судебное заседание по настоящему делу, хотя таковых состоялось четыре. В суде мы видели только его представителя по доверенности, который одновременно являлся генеральным директором работодателя переводчика – компании, проигравшей дело в арбитражном суде. Мы постарались обратить внимание суда на это обстоятельство, поскольку оно на наш взгляд свидетельствовало о том, что в действительности никакого морального вреда причинено не было, и истец не заинтересован в ходе процесса.

Рассмотрев доводы сторон, Замоскворецкий межмуниципальный суд г. Москвы пришел к выводу, что наш клиент действовал невиновно, что отсутствовала причинная связь между публикацией перевода МСФО и страданиями истца, что размер компенсации недостаточно обоснован. В иске было полностью отказано.

Правильность решения Замоскворецкого суда была позже подтверждена кассационной инстанцией Московского городского суда.

Таким образом, все претензии, предъявлявшиеся к нашему клиенту, были признаны полностью несостоятельными.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что описываемое дело стало интересным не только в силу своей нестандартности и юридической сложности. В последнее время становится очевидным, что дело приобретает значительный общественный резонанс.

Как известно, Правительством России еще в 1998 г. была утверждена Программа реформирования бухгалтерского учета в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности (Постановление Правительства РФ от 6 марта 1998 г. № 283).

⁸ Постановления Пленумов Верховных судов по гражданским делам. Сборник. М., «Спарк», 1999. С. 306.

Действующее законодательство РФ возлагает на некоторые категории юридических лиц обязанность по ведению учета и отчетности в соответствии с МСФО наряду с годовой бухгалтерской отчетностью. Такие требования предъявлены ко всем акционерным обществам, ценные бумаги которых обращаются на фондовом рынке, отчетность которых подлежит представлению организатору торговли на рынке ценных бумаг, инвесторам и другим заинтересованным лицам (см. п. 142 Методических рекомендаций о порядке формирования показателей бухгалтерской отчетности организаций (утв. Приказом Минфина РФ от 28 июня 2000 г. № 60н); п. 187 Методических рекомендаций о порядке формирования показателей бухгалтерской отчетности страховых организаций (утв. Приказом Минфина РФ от 12 января 2001 г. № 2н)). РАО «Газпром», РАО «ЕЭС России», МПС России и АК «Транснефть» также обязаны вести учет и отчетность в соответствии с МСФО (см. п. 60 Постановления Правительства РФ от 19 июля 1999 г. № 829).

К 2005 г. в России планируется полностью перейти на ведение бухгалтерского учета и отчетности в соответствии с МСФО⁹.

В связи со всеми этими обстоятельствами нами неоднократно выдвигался аргумент о том, что МСФО в Российской Федерации вообще не должны считаться объектом авторского права, поскольку являются официальным документом, то есть устанавливают права и обязанности для граждан и юридических лиц (ст. 8 Закона об авторском праве).

При этом, по утверждению профессора Дозорцева, «официальным» документ может стать как с момента его создания, если он исходит непосредственно от органа власти, так и впоследствии, например, при утверждении компетентным государственным органом рекомендаций, содержащихся в таком документе, в качестве обязательных¹⁰. Последняя ситуация и имела место в случае МСФО.

Таким образом, хотя разработчиком МСФО является Комитет по МСФО, в связи с принятием Приказа Минфина РФ и Постановления Правительства РФ МСФО стали в 2000 г. «официальным документом», обязательным к применению на территории России. При любом ином понимании нынешней природы МСФО появляется возможность существенных злоупотреблений со стороны их «авторов», которые мог-

⁹ См. А. Муравьева, Переход на международные стандарты финансовой отчетности и проблемы кредитования // Финансовая газета, № 2, 2003.

¹⁰ В.А. Дозорцев, Опубликование материалов, не охраняемых авторским правом // Юридический мир, № 12, 2000. С. 19.

ли бы запретить их использование или установить непомерно высокую цену за текст МСФО. Это грубо противоречило бы содержанию и целям нормы ст. 8 Закона об авторском праве, призванной обеспечить широкое и беспрепятственное распространение официальных обязывающих актов.

Русский перевод официального документа – МСФО – был издан истцом под патронатом Комитета, к его подготовке привлекались многие авторитетные эксперты, в частности, из Министерства финансов и ФКЦБ РФ. Само издание перевода содержало указание, что данный перевод МСФО является официальным, что предопределяет значимость этого документа и диктует необходимость свободного доступа к нему на основании ст. 8 Закона об авторском праве.

В то же время, сегодня российские регулирующие органы и, в частности, Министерство финансов РФ, считают, что МСФО не могут считаться официальным документом в смысле положений ст. 8 Закона об авторском праве. Такая позиция была выражена в письме заместителя министра финансов РФ, фигурировавшем в описываемом деле. Аргументация Министерства финансов сводится к тому, что официальными могут быть признаны только документы, утвержденные федеральными органами исполнительной власти и зарегистрированные в установленном порядке Министерством юстиции РФ.

Оставляя в стороне размышления о том, что приведенная точка зрения Министерства финансов не учитывает ни смысла положений ст. 8 Закона об авторском праве, ни возможности регулирования общественных отношений с помощью отсылок к тем или иным международным документам, как это и имеет место в случае с МСФО, охарактеризуем лишь последствия такого взгляда.

На сегодняшний день в России с одной стороны существует широкий, все растущий круг лиц, обязанных использовать в своей деятельности русский текст МСФО. В обозримом будущем вообще все юридические лица должны будут использовать его в своей повседневной деятельности. В то же время, этот текст не может быть отнесен к официальным.

Таким образом, если бы не принятие российскими судами решений, описанных в настоящей статье, сотни тысяч лиц были бы обязаны покупать изданный нашим процессуальным оппонентом весьма дорогой русский перевод МСФО.

Выиграв спор, мы не только отстаивали права и законные интересы нашего клиента, но и открыли возможности для более свободного распространения текста, имеющего исключительную общественную важность.